

КАРАМЗИН, БАТЮШКОВ, ЖУКОВСКИЙ — РЕДАКТОРЫ СОЧИНЕНИЙ М. Н. МУРАВЬЕВА

*

В. Д. Левин
(Москва)

Для изучения истории литературного языка большое значение имеет всесторонний учет всяких форм и случаев прямого обнаружения отношения носителей языка к тем или иным языковым фактам: прямые высказывания, оценки, пометы на полях, исправление и редактирование чужих сочинений, переработка собственных произведений и т. д. Такого рода факты демонстрируют иногда резкое и острое столкновение разных стилистических направлений, отражающее нередко разные этапы в развитии литературного языка. Такие случаи, разумеется, особенно выразительны, но не меньшее значение имеют и те случаи, когда такого рода оценки и характеристики относятся к произведениям единомышленников, представителей одной стилистической школы. Здесь, может быть, мы редко будем находить примеры резкого расхождения в понимании норм словоупотребления, но в то же время этот материал дает возможность глубже проникнуть в существо происходящих процессов, отметить в пределах литературной нормы более тонкие различия и варианты, требующие более осторожной интерпретации. Как на пример можно сослаться на тщательный и чрезвычайно эффективный анализ В. В. Виноградова принадлежащих Карамзину оценок языка и стиля И. И. Дмитриева¹.

Среди таких форм оценки чужого стиля и языка исключительный интерес представляют примеры редактирования чужих сочинений. «Соотношение стиля автора и редактора произведения в разные эпохи истории литературы, в разных ее школах и направлениях — один из важных вопросов литературного и литературно-языкового развития», — указывает В. В. Виноградов². «Конкретно-исторические исследования в этой области, — замечает он далее, — должны существенно расширить круг проблем и задач изучения истории стилей русской литературы»³. Само собой разумеется, что это относится и к проблемам истории собственно литературного языка, развития норм литературного и литературно-художественного выражения.

Предлагаемые заметки имеют целью обратить внимание исследователей на один весьма выразительный случай такого рода, связанный с посмертным изданием сочинений талантливого и своеобразного писателя, публициста, историка последней четверти XVIII в., одного из непосредственных и наиболее ярких предшественников «карамзинизма» в литературе и «слоге» — Михаила Никитича Муравьева (1757—1807 гг.).

¹ См.: В. В. Виноградов. Из наблюдений над языком и стилем И. И. Дмитриева. «Материалы и исследования по истории русского литературного языка», т. 1. М., 1949, стр. 217—222.

² В. Виноградов. И. С. Генслер и Ф. М. Достоевский — редактор «Гаванских сцен». «Русская литература», 1964, № 2, стр. 71.

³ Там же, стр. 72.

М. Н. Муравьев оставил после себя большое количество неопубликованных сочинений, связанных главным образом с его деятельностью в качестве воспитателя великих князей Александра и Константина Павловичей и представляющих собой своего рода «учебные пособия» и материал для чтения его воспитанников по истории, литературе, этике и др. Необходимо отметить, что не все эти сочинения сохранились только в рукописном виде. Некоторые из них печатались — анонимно, без указания года и места издания — в императорской типографии, но не для продажи или распространения, а только, так сказать, «для закрытого пользования»⁴. Поэтому большинство их — это отдельные сброшюрованные листки, имеющие скорее вид корректуры, чем напечатанной книги (сейчас они известны, как правило, в одном-двух экземплярах); но бесспорно, что сюда надо отнести и вышедшие — также анонимно — в 1796 г. двумя тиснениями и сохранившиеся в количестве по меньшей мере десятка экземпляров «Опыты истории, письмен и нравоучения», внешне оформленные как книга, снабженные заставками и т. д. Во всяком случае Карамзин в предисловии к изданию сочинений Муравьева (о котором будет речь ниже), зная об этой книге и держа ее в руках, отмечал, что Муравьев писал «не для печати, ибо скромность, даже излишняя, не позволяла ему быть в сношении с публикою» (первоначально было написано «думать вслух и говорить через типографию», что, как видим, не вполне точно).

Именно эти напечатанные для «домашнего» пользования и, следовательно, наиболее обработанные автором произведения (а не те, что остались в рукописи, а также и не те, которые печатались Муравьевым еще в 70-е и 80-е годы и представлявшие, за небольшим исключением, значительно меньший интерес) и составляли главным образом содержание изданного Карамзиным в 1810 г. двухтомника сочинений Муравьева⁵.

В Государственной публичной Исторической библиотеке в Москве (ГПИБ) хранятся экземпляры трех книжек сочинений Муравьева, вошедших затем в карамзинское издание 1810 г.: 1) «Опыты истории, письмен и нравоучения» (СПб., 1796) с изъятием статьи XVIII «Соединение удельных княжений российских», но с прибавлением печатавшихся отдельно (без указания года) циклов статей «Нравственные изображения» и «Эпохи российской истории»; 2) «Разговоры мертвых» (1790); обе эти книжки составили первую часть издания Карамзина⁶; 3) «Обитель предместья» — «периодические листы», издававшиеся для великих князей — судя по датам, каждую пятницу в течение августа—октября 1790 г. (это произведение вошло во вторую часть издания 1810 г.).⁷ В книжку вплетен оригинал упоминавшегося выше предисловия Карамзина (первоначально, очевидно, задуманного как послесловие) с его же исправлениями. Именно

⁴ Императорская типография была заведена в 1784 г. как такая, которой кабинет и коллегия иностранных дел «могли бы особенно распорядиться по востребованию нужды» и которая выполняла бы в первую очередь «казенные работы» «вышереченных двух департаментов». (См.: Полное собрание законов Российской империи, т. XIII. СПб., 1830, стр. 203—204).

⁵ «Опыты истории, словесности и нравоучения. Сочинения Михаила Никитича Муравьева, изданные по его кончине». М., 1810.

⁶ Требуется в связи со сказанным внести некоторые исправления в издаваемый ныне «Сводный каталог русской книги XVIII века», где впервые дана тщательнейшая библиография изданий Муравьева. Слово «завало бы, во-первых, указать наличие в ГПИБ названного выше расширенного и правленного Карамзиным экземпляра «Опытов. . .» (ср. № 4373, 4376—4377, 4389) и, во-вторых, выправить указание на авторские правки в «Разговорах мертвых» (№ 4381): правки принадлежат Карамзину.

⁷ Что касается остальных сочинений, вошедших во вторую часть издания Карамзина, — повести «Оскольд»; статей «Краткое начертание российской истории» и «Соединение удельных княжений» (в редакции, отличной от помещенной в «Опытах. . .» 1796 г.), то для них не найдено напечатанного ранее оригинала. Однако не исключено, что такой оригинал все же существовал; в бумагах Муравьева нет также рукописей этих сочинений.

с этих экземпляров (или с их копий) и производился набор карамзинского издания: они снабжены новой пагинацией и «скрепами» цензора (И. Гейма), разрешившего издание. Но особую ценность этим экземплярам придает то обстоятельство, что они испещрены поправками, сделанными рукой Карамзина и отразившимися затем в его издании.

О существовании экземпляров сочинений Муравьева с собственноручными правками Карамзина известно давно. П. Бартенев, издатель «Русского архива», комментируя слова Батюшкова (в его письме Жуковскому от 3 ноября 1814 г.) о том, что «Карамзин, занятый постоянно важнейшим делом, какое когда-либо занимало гражданина, нашел свободное время для исправления рукописей Муравьева», сообщал, что «эти рукописи, с любопытнейшими для истории русского слога поправками Карамзина, хранятся в чертковской библиотеке»⁸. Еще точнее сообщение В. Саитова, комментатора сочинений Батюшкова, о находящихся в чертковской библиотеке «экземплярах этих первоначальных изданий с поправками Карамзина и с его собственноручным послесловием»⁹.

Тем не менее эти материалы не привлекли до сих пор внимания исследователей. Между тем они представляют огромный интерес и заметно обогащают наши представления о литературном языке конца XVIII и нач. XIX в., о нормах и особенностях «нового слога», заставляют более пристально взглянуть в некоторые особенности языка и стиля Карамзина. Важно еще раз подчеркнуть, что в данном случае мы имеем дело с столкновением не антиподов, а писателей, близких по своим стилистическим устремлениям. Муравьев как писатель высоко оценивался в школе Карамзина¹⁰. Тем больше внимания заслуживают карамзинские правки, свидетельствующие о том, что язык, «слог» даже ближайших предшественников мог казаться Карамзину недостаточно правильным и «чистым».

Легко заметить, что подавляющее большинство исправлений Карамзина имеет целью устранение всяких, даже не слишком ярких следов архаической книжности, элементов «приказного» слога — в лексике, фразеологии, синтаксисе. Выражения и обороты многословные, несколько тяжеловесные заменяются более короткими и естественными. Так, «. . . в препровождении доброй совести» заменяется «с покойною совестью», «почерпаю свежие дыхания воздуха» — «дышу свежим воздухом», «содержит строгую власть над собственными своими чувствованиями» — «строго властвует. . .», «произнести укоризны против воспитателя своего» — «укорять. . .», «налагают важное порицание свое» — «порицают»; вторая половина фразы «приемлю твердое намерение никогда не впадать в то же преступление» заменена словами «исправить себя»; ср. еще: «достижение

⁸ «Русский архив», 1875, кн. 3, стр. 350.

⁹ См.: К. Н. Б а т ю ш к о в. Сочинения, т. II, СПб., 1885, стр. 421—422; Н. Ж и н к и н. М. Н. Муравьев. СПб., 1913 (оттиск из «Изв. ОРЯС», 1913, т. XVIII, кн. I) и другие источники. Очень неточно сообщение об этих изданиях, будто бы хранящихся в ГПБ им. Салтыкова-Щедрина, Г. А. Гуковского в его книге «Очерки по истории русской литературы и общественной мысли XVIII в.» (М., 1938, стр. 252). Замечание Г. А. Гуковского со ссылкой на Л. И. Кулакову, что будто бы текст Муравьева для издания 1810 г. правил Жуковский, а не Карамзин, — результат недоразумения. Как любезно разъяснила мне проф. Л. И. Кулакова, автор ряда работ о творчестве М. Н. Муравьева, речь шла только о сборнике стихов Муравьева, содержащем правки Жуковского. Впрочем, как далее будет сказано несколько подробнее, в ГПБ действительно сохранились рукописи прозы Муравьева с исправлениями Жуковского, но не для издания 1810 г.

¹⁰ См.: Г. Г у к о в с к и й. Указ. соч., стр. 251. — Впрочем, слова Гуковского о «культе Муравьева» в кругу карамзинистов и его характеристика Муравьева как «учителя всех литераторов 1790-х и в особенности 1800-х гг., связанных с Карамзиным», страдают некоторым преувеличением. Нельзя не учитывать, что упомянутые Гуковским и наиболее близкие «карамзинизму» произведения Муравьева «Обитатель предместья» и «Эмилиевы письма» стали известны — первое в 1810, а второе в 1815 г.

политической пользы ты умел сопрящи с наималейшим оскорблением человечества» — «ты умел соединить пользу государственную с человеколюбием», «ступать в стези твои» — «идти по следам твоим», «низвержен будешь болезненными ощущениями» — «будешь удручен горестию», «империя была исторжена из слабых рук моих потомков» — «слабая рука моих потомков не удержала империи», «черта света представляется разуму моему» — «я угадал истину» и др.¹¹ Во всех этих случаях исправления приводят к заметному изменению целых фраз или их частей. Чаще, однако, они выражаются в заменах отдельных слов, причем можно выделить небольшую группу слов, относительно которых правки Карамзина носят последовательный, систематический характер. Легко заметить устойчивое пристрастие Муравьева к некоторым устарелым, отчасти уже для его времени, словам или употреблением слов, причем, — это очень важно заметить, — как правило, безразличным в стилистическом отношении. Таковы, например, *отличение* в значении 'отличие', 'особенность', *посвятить* в значении 'освятить', 'утвердить' (например, «постановления, посвященные именем целого народа»)¹², *изобретать* в близком к этимологическому значению 'находить', 'отыскивать', 'открывать' (например, «изобретение нового света»), безразличное употребление слов *владение* и *владычество* (ср., с одной стороны, «обозревать пространство владычества» и, с другой, «новость владения» — о новой власти, новом владычестве)¹³, употребление наречия *близко* в значении предлога («... основаны близко Царицына» и т. д.); употребление во множественном числе слов *человеки*, *разумия*, *оружия* (хотя речь идет обычно не о конкретных видах оружия, например: «последуем за российскими оружиями» и др.). Во всех этих и подобных случаях Карамзин последовательно снимает архаический налет. Отмечу еще регулярную замену слова *последовать*, если оно употреблено в значении несовершенного вида, словами *следовать*, *идти* и *под*.¹⁴

К архаическим элементам языка Муравьева, последовательно устраняемым Карамзиным, надо отнести еще употребление глагола *испытывать* близко к значению 'пытаться', 'хотеть', 'намереваться', например: «Я не смею испытать картины свидания их» (sic! — В. Л.); «Бюффон... испытал изобразить природу большими чертами»; «Смит... испытал произвести...» и т. д.; ср. после правки Карамзина: «Не смею описывать...»; «Бюффон... хотел изобразить»; «Смит... старался произвести».

Среди других лексических замен привлекают внимание такие, как «прилежат около огня» — «занимаются...», «простер ревность свою» —

¹¹ Редактора, как видно, не останавливало при этом, что производимые им замены не всегда вполне синонимичны устраненному тексту, если сохранен общий смысл высказывания (можно найти, впрочем, и единичные более серьезные смысловые изменения, но это, очевидно, не связано со стилистическими моментами): Ср., например, «видят себя посещаемыми странствующей ордою» и «видят на лугах своих кочующую орду» и некоторые другие. За недостатком места не могу приводить примеров более глубоких и разнообразных изменений.

¹² Словарь Академии Российской не фиксирует такого употребления, но в литературе оно (или близкое ему) изредка встречается; см., например, у Ломоносова («... брега, посвященные Петровыми стопами»), у Козельского («беззакония учеников его посвящены великими примерами»), у Радищева («... не возмним быти ему [Ломоносову] богом всезидущим, не посвятим его истуканом на поклонение обществу») и др.

¹³ Следы такого безразличия отчасти отражены в Словаре Академии Российской; в литературе примеры такого рода относятся, как правило, только к середине века: см., например, у Ломоносова: «обширность пространного ее владычества», «три владычества многообразныя натуры», «от владения Владимирова до нынешнего века»; у Крашенинникова: «до покорения российскому владению» и др. Встречается такое употребление также у Тредиаковского и некоторых других авторов.

¹⁴ См. в Словаре Академии Российской отождествление *последую* и *последствую*, которые толкуются через форму *следую*; соответствующие примеры можно найти у Тредиаковского, Ломоносова, Фонвизина, Елагина и других авторов XVIII в.

«доходил в ревности своей», «толика» — «такая», «враждебник» — «соперник», «превозмогать» — «превосходить», «порицательный» — «порицатель», «малость» — «малочисленность», «набоженство» — «набожность», «предрассуждения» — «предрассудки», «последователь» — «преемник», «противуположник» — «противник», «завистствующий» — «завистливый», «ниспавший от владения» — «лишенный владения», «восхитить» — «похитить» (и «восхититель» — «похититель»), «возопил» — «воскликнул», «продерзкий» — «дерзкий», «пресилить» — «преодолеть», «последованием времен» — «в последствии времен», «в последовании» — «после» и мн. др.

Следует обратить еще внимание на устранение и тех устарелых элементов литературного языка, которые имели другой источник — не книжную традицию, а бытовое просторечие; так, Карамзин, постоянно заменяет обычное у Муравьева *зачинать* в значении 'начинать' — этим последним, *завтре* исправляет на *завтра*, *насупротив* — на *напротис*.

Несколько раз (но непоследовательно) относительное *который* в косвенных падежах заменяется более книжным *кой* (*коего*, *коему* и т. д.); есть также единичные случаи исправления *он* на *оный* и *этот* на *сей*. Все эти случаи требуют специального анализа, который не может быть представлен в настоящем кратком сообщении.

Большой интерес представляет отраженное в правках Карамзина столкновение архаичных и современных поисков эквивалентов для некоторых иноязычных слов, разных путей развития переносных или специальных значений слов и т. д. С этим связаны систематические замены слова *сияющий* (например, «сияющая храбрость», «сияющие дарования», «сияющие опыты», «сияющие общества» и мн. др., см. франц. *brillant*) на *блестящий*; замена *трогающий* на *трогательный* или *умилительный*; слов *верховный*, *верховность*, *верховенство* на *превосходный*, *превосходство*¹⁵ и нек. др. Заменяется совершенно архаичное и идущее от первой половины века *предлог* вместо *предмет*¹⁶. Заметно отличается у Муравьева и Карамзина употребление слов *ум*, *разум*, *дух* в некоторых своих значениях. Обычное у Муравьева *письмена* в значении 'литература', 'словесность' заменено на это последнее только в заглавии книги (см. выше), но, очевидно, на каких-то более поздних этапах работы над изданием, так как в рассматриваемом экземпляре этой правки нет.

Обращает на себя внимание частое в произведениях Муравьева прилагательное *любидостойный* — очевидная калька с немецкого *liebenswürdig*¹⁷. Карамзин заменяет его, хотя и не всегда, словом *любезный*.

Некоторые правки связаны также с изменением форм управления, например: «рассказали мне отмщение. . .» — «известили меня о мести», «владение сего града» — «обладание сим градом», «неприступные посеще-

¹⁵ *Верховный* и его производные относятся к излюбленным у Муравьева словам и встречаются в разнообразных сочетаниях, см., например: «верховность духа», «верховенство разума», «верховные люди», «верховные творения» и др. Надо заметить, что в употреблении этого слова, как и некоторых других, Муравьев ближе к писателям середины века, например к Тредиаковскому, чем к своим современникам. Отметим еще, что, заменяя обычно *верховный* на *превосходный*, Карамзин последовательно оставляет без изменений выражения *верховное благо*, *верховное блаженство*, где *верховное* означает «высшее».

¹⁶ Например: «Поливий. . . избрал предлогом сочинений своих градоправительство»; «. . . несчастлив в выборе предлога своего». Карамзин заменяет в обоих случаях *предлог* на *предмет*.

¹⁷ В изданиях сочинений Муравьева часто воспроизводится раздельно — *любви достойный*, но в автографах слово это пишется всегда слитно. Само это выражение в таком значении встретилось мне еще только у Крылова (в раздельном написании), правда, в контексте, свидетельствующем, очевидно, о его употребительности: «. . . тех господчиков, которых в свете называют *любви достойными*, *веселыми* и *знающими светское обращение*» («Почта духов», письмо X; курсив автора).

нию» — «неприступные для посещения», «слух Аннибала» — «слух об Аннибале» и нек. др.

Большой интерес для характеристики развития прозы в конце XVIII—нач. XIX в. — в ее отношении к языку поэзии, — а также и для эволюции стиля самого Карамзина представляет систематическая замена краткой формы обособленного или полупредикативного определения (прилагательного или причастия) полной (типа «терпелив, прилежен, благонаравен, он казался. . .») и т. д. — «терпеливый, прилежный, благонаравный. . .») и т. д., «явились. . . выведены из глубокого мрака» — «. . . выведенные. . .»; примеры чрезвычайно многочисленны)¹⁸. То же надо сказать о требующем специального анализа очень частом, почти постоянном замещении излюбленного у Муравьева обособленного именительного («именительного самостоятельного») оборотом с деепричастием или с присоединительным «качественным» как. Ср., например.: «Добрый отец, я не мог предвидеть. . .» — «Будучи нежным отцом. . .»; «Защитники человеческой природы, они. . .» — «Желая быть защитниками. . .» и т. д.; «Иногда, смелый всадник, устремляюсь. . .» — «. . . как смелый всадник. . .» и т. п.

В пределах настоящей статьи нет никакой возможности специально остановиться на довольно многочисленных и представляющих бесспорный интерес случаях изменения порядка слов.

* * *

О работе Карамзина над сочинениями Муравьева — хотя она до сих пор и не привлекала внимания исследователей — известно, как уже было сказано, издавна. Меньше сведений об аналогичной работе Батюшкова — инициатора всех посмертных изданий сочинений Муравьева и страстного его поклонника. Из упоминавшегося ранее письма Батюшкова Жуковскому известно, что он готовил к изданию найденный им среди бумаг Муравьева текст «Эмилиевых писем». В 1815 г. это произведение (к которому примыкает «Тетрадь для сочинений»), вместе с ранее опубликованным «Обитателем предместья», продолжением которого оно является, было опубликовано¹⁹. Этому изданию предпослано предисловие издателей и слегка измененный вариант статьи Батюшкова о сочинениях Муравьева, ранее напечатанный в «Сыне отечества».

О наличии каких-либо материалов, свидетельствующих о редакторской работе Батюшкова при издании «Эмилиевых писем», сведений в литературе мне не приходилось встречать. Между тем в Отделе письменных источников (ОПИ) Государственного Исторического музея в Москве хранится отпечатанный, как и многие другие сочинения Муравьева этого времени, на отдельных сброшюрованных листах, без указания автора и года издания экземпляр «Эмилиевых писем» и части «Тетради для сочинений» с многочисленными исправлениями Батюшкова. Им же дописана — списана, очевидно, с авторской рукописи — недостающая часть «Тетради для сочинений»²⁰. Здесь же находится написанное рукою Батюшкова упоминавшееся только что предисловие к изданию 1815 г., автограф

¹⁸ Ср. «Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Изменения в системе простого и осложненного предложения». М., 1964, стр. 428—437.

¹⁹ «Обитатель предместья и Эмилиевы письма». Сочинение М. Н. Муравьева. СПб., 1815.

²⁰ Автограф этой части «Тетради для сочинений» находится среди бумаг Муравьева, хранящихся в рукописном отделе ГИБ им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (ф. 499, № 25); бесспорно, что именно с этого автографа и списывал Батюшков — это подтверждается наличием в автографе карандашных исправлений, отразившихся в экземпляре ОПИ.

его статьи о сочинениях Муравьева, титульный лист издания с разрешением цензора И. Тимковского ²¹.

Как и правки Карамзина, изменения, внесенные Батюшковым, делают текст Муравьева более свободным от архаических или специфических книжных черт, от громоздких оборотов. См., например, замену во фразе «Зрение толь многих путешественников рассеивает размышления мои» первых трех слов словом «множество»; ср. еще: «в первый, раз, что пойдем вместе прогуливаться» — «в первую прогулку», «позорище добродетели» — «обитель. . .» (см. еще «позорище искусств» — «зрелище. . .»), «узнав произхождение твое» — «. . . что тебе дали чин», «быть полезну» — «быть полезным», «убиен Гектором» — «убиѣ», «ужасенных Троян» — «устрашенных. . .», «молния поражала тучи» — «. . . рассекала. . .», «прияли рождение свое» — «получили рождение», «проистекает из уст Нестора» — «истекает. . .», «преходить» — «переносить», «платно» — «полотно», «соплетенные» — «сплетенные» и др. под.²² Правки Батюшкова совпадают с карамзинскими не только по своему общему направлению, но отчасти и более непосредственно. Так, подобно Карамзину, Батюшков исправляет *последовать* (в значении несовершенного вида) на *следовать*, *трогающий* на *трогательный* (есть и другие замены), *различение* на *различие*, *предлог* на *предмет* («предлог отечественной славы»), *восхищать* на *похищать* (но есть и обратная замена: вместо первоначального «Он (Гомер. — В. Л.) похищает меня. . .») стало «Он, если смею сказать, восхищает меня. . .»); см. еще замену *стезя* — *следы* (во мн. числе); «напечатленные стези человеческой» — «. . . следов человеческих», «стезей родителя» — «следов родителя» (ср. выше среди правок Карамзина). Как и Карамзин, Батюшков устраняет (хотя и не всегда) *сияющий*, заменяя его словами *блистательный*, *остроумный* (у Карамзина было *блестящий*), *близко* в значении предлога (см., например, любопытную и очень вольную замену «близко природы» на «в объятиях природы»), случаи устарелого управления ²³ и нек. др. Из совпадающих для Карамзина и Батюшкова правок отметим еще предпочтение полных обособленных прилагательных и причастий кратким, обычным у Муравьева. Много общего у обоих редакторов обнаруживается и при исправлении порядка слов. Подобно Карамзину, Батюшков заменяет также *зачинать* на *начинать*, *завтре* на *завтра* (а также *завтрек* на *завтрак*); из других случаев устранения элементов просторечия можно назвать еще *пока* вместо *покуда*, *вчера* вместо *вчерась*, *хороводы* вместо *короводы*, *во весь опор* вместо *во весь мах* и некоторые другие, в частности отражающие синтаксис разговорной речи.

Из новых фактов, не отмечавшихся при рассмотрении правок Карамзина, заслуживают внимания замена идущего от начала XVIII в. слова

²¹ Хотя о существовании этого экземпляра ОПИ не было никаких упоминаний в литературе, некоторые исследователи, очевидно, знали о нем и видели его; так, например, он известен проф. Л. И. Кулаковой. К сожалению, этот экземпляр «Эмилиевых писем» не зафиксирован в «Сводном каталоге», в котором, правда, упоминается другой экземпляр этого сочинения, напечатанный таким же образом, но без всяких исправлений, хранящийся в ГПИБ (Сводный каталог, т. II, № 4388). Надо, однако, заметить, что экземпляр ГПИБ в отличие от экземпляра ОПИ содержит более ранний вариант «Эмилиевых писем», т. е. без нескольких писем, чрезвычайно важных по содержанию, допечатанных позднее и вмонтированных в текст. Позднее включение этих писем (автографы некоторых из них имеются в ГПБ) подтверждается и некоторыми несообразностями в содержании и датировке писем, которые полностью снимаются, если исключить эти вставки.

²² Но есть и случаи предпочтения более книжного слова, когда оно оказывается точнее; так, «наполненные испступления», «наполнен чувствительности» заменено на «исполненные», «исполнен».

²³ Например, «избежать от ней» — «избежать ее», «отказать себе удовольствие» — «. . . в удовольствие», «проходить без замечания труды земледельца» — «мимо трудов. . .»; см. еще: «Я прохожу Танкерда» (т. е. не касаюсь его, минуя его в своем рассказе. — В. Л.) — «Ни слова о Танкредел»; см. также: «обитаю долину Кавказа» — «населяю. . .», «рассказывает красоты» — «исчисляет. . .» и др.

*кавалерство — рыцарством, согласие — гармонией, действующих — ак-
терами* (см. еще вместо *Мартеньша — актриса Мартень*), и др.

Особо следует отметить исправления во вкрапленных в текст «Писем» переводах (очевидно, самого Муравьева) строк из Гомера, Вергилия, Горация, особенно те случаи, когда происходит замена перевода другим. Так, строчки из XVII песни Илиады

Но отче Зевс! Избавь от тьмы сынов Ахейских,
Содейлай светлоту, очами зрети дай,
При свете и губи, коль то тебе угодно —

заменены следующими:

Избавь, отец богов, избавь ты нас от мглы,
Расторгни мрак очей! пошли дневный нам свет!
И, если губишь нас, при свете дай погибнуть!

Если это действительно собственный перевод Батюшкова (что, очевидно, еще требует доказательств), то перед нами неизвестные строки поэта²⁴. То же самое надо сказать о следующих строках перевода из второй книги «Георгик» Вергилия, помещенных в «Эмилиевых письмах»:

О! кто бы перенес
Меня во Гемские прохладные долины,
И мрачной тению ветвистых дров покрыл! —

они вписаны поверх вычеркнутого перевода Муравьева:

О кто меня в страну похитит вождеденну
И голову мою покроет утомленну
Древесной тению²⁵.

* * *

Последний этап редактирования текстов Муравьева связан с изданием (1819—1820) трехтомного так называемого Полного собрания сочинений Михаила Никитича Муравьева. Подготовка к этому изданию, судя по переписке Батюшкова с Жуковским, а также по замечанию Батюшкова в его статье о Муравьеве, началась еще до издания «Эмилиевых писем». Предметом особых забот издателей (Батюшкова и Жуковского) были сочинения, не вошедшие в издание Карамзина и сохранившиеся в рукописном виде. До сих пор было известно, что Жуковский занимался исправлением стихов Муравьева (исследованием этого материала успешно занимается проф. Л. И. Кулакова). Но очевидно, что он же редактировал и некоторую часть прозаических его произведений. В рукописном отделе ГПБ им. Салтыкова-Щедрина хранятся три сшитые тетради, содержащие поздние, судя по бумаге—не ранее 1814 г., копии сочинений Муравьева, не напечатанных в свое время Карамзиным, но вошедших в Полное собрание сочинений. В этих тетрадях (ф. 499, № 16, 17, 24) также находим редакторские правки, принадлежность хотя бы части которых Жуковскому вряд ли может вызвать сомнение. И хотя эти исправления — за исключе-

²⁴ А. Н. Егунов, автор превосходного исследования «Гомер в русских переводах XVIII—XIX вв.» (изд-во «Наука», 1964), пользуясь, естественно, посмертными изданиями Муравьева, рассматривает эти строки как принадлежащие Муравьеву (стр. 115).

²⁵ В других помещенных в «Эмилиевых письмах» переводах Муравьева исправлению подвергаются только отдельные слова или строки. Так, «в забвенье преложить» исправлено на «в забвенье погрузить», в другом переводе вместо «которого душа прекрасна так, как слог» стало «Ему — душа его прекрасная, как слог» и др.

нием нескольких статей — не столь многочисленны, как правки Карамзина или даже Батюшкова, они тем не менее также представляют большой интерес. Не касаясь тех, которые совпадают с отмеченными уже ранее (например, *посвящать* — *освящать*, *кавалерский* — *рыцарский* и др.), здесь можно было бы отметить такие, как *морские откровения* — *морские открытия*, *сотворительный* — *творческий*, *вражество* — *вражда*, *путешествователи* — *путешественники*, *патриаршеские сцены* — *патриархальные нравы* и др. Особо следует остановиться на замене слова *возглашение*, которое Муравьев употреблял как термин, словом *декламация* (Карамзин заменял *возглашение* словами *красноречие* или *витийство*; см. в правках Батюшкова: вместо «в надутом возглашении» — «. . . слоге»). См. еще: «обавляющая нас мечта» — «обманывающая» (первоначально исправлялось на «восхищающая»), «сретается» — «встречается», «отсутствен» — «в отсутствии», «утвердить равенство свое (с кем-нибудь)» — «стать наравне» и др.: «нарочито много» заменено словами «нарочитое число», а затем исправлено на «много».

Из лексических правок обращает еще на себя внимание *промышленность* вместо обычного у Муравьева *промыслительность* («. . . произведениями земледелия, промыслительности»; «распространение промыслительности», «народная промыслительность» и др.)²⁶. Кстати, сам Карамзин (как известно, создатель слова *промышленность*), встретив в «Обитателе предместья» *промыслительность*, оставил это слово без исправления; «. . . возбуждаю промыслительность ремесленника».

Встречаясь в этих текстах и изменения целых фраз, например, вместо «. . . человека, которого остроумие и вежливость поставили между просвещеннейших римлян» стало: «. . . человека, принадлежавшего по остроумию и вежливости к образованнейшим римлянам»; ср. еще: «Это тебя я вижу, — украшение рыцарства?» — «Тебя ли вижу. . .?», «Город протекает посредине река» — «Посреди города протекает река» и нек. др. Можно было бы провести еще некоторые замены форм управления, порядка слов и др.

* * *

Результаты редакторской работы Карамзина, Батюшкова и Жуковского требуют тщательного исследования и интерпретации. Но уже сейчас важно отметить, что исправления, которые вносились редакторами, сравнительно редко касаются стилистически окрашенных элементов языка, тем более — средств художественной изобразительности (этого материала мы здесь вообще не касались)²⁷. Они, следовательно, мало затрагивают собственно стиль писателя и не обнаруживают принципиального расхождения автора и редакторов ни в понимании норм высокого стиля, ни в оценке стилистического состава «средней» литературной нормы. Тем ценнее оказываются эти исправления как материал для суждения об изменениях в нейтральном и «общекнижном» фонде языка. Эти правки и замены заставляют пристальнее взглянуть на некоторые факты, которые могли бы показаться безразличными для истории литературного языка.

²⁶ Но в статье «Понятие технологии», сохранившейся в виде чернового автографа (ГПБ, ф. 499, № 35) и писарской копии (№ 20), но не вошедшей в Полное собрание сочинений, встретилось *промышленность*; см. здесь же *технология*, которая определяется как наука, «приводящая в систему» разные «искусства» — все то, что «составляет вообще промышленность», — имеющие целью «употреблять природу».

²⁷ Из редких случаев такого рода приведу характерную замену в тетради ГПБ выражения «тысячи класов златых» (о солнечных лучах) на «потоки лучей». См. еще в правках Батюшкова: «кровавый меч» вместо «неистовство войны»; любопытна также замена выражения «непогоды души» — «бурями души» среди правок Карамзина.

Этот материал представляет собой интерес еще и благодаря тому обстоятельству, что редактированием сочинений Муравьева занимались — независимо друг от друга — три крупнейших представителя русской литературы и русского просвещения начала XIX в., и, следовательно, он демонстрирует соотношение и «столкновение» языка не только автора и редактора, но и разных редакторов. Сопоставление этих трех рядов правок может, таким образом, способствовать более глубокому изучению языка (и отчасти стиля) Карамзина, Батюшкова и Жуковского. При этом. разумеется, надо строго различать отличия, отражающие разное отношение к тому или иному языковому явлению, и те, которые связаны лишь с иными принципами редакторской работы, с разной степенью вмешательства редактора в авторский язык и стиль ²⁸.

²⁸ Настоящая статья, в которой упомянута лишь незначительная часть осуществленных при редактировании текстов М. Н. Муравьева правок, представляет собой лишь предварительное сообщение, имеющее целью обратить внимание исследователей на этот чрезвычайно полезный для изучения истории русского литературного языка материал. Автор предполагает в дальнейшем дать более полное его описание.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ

*Сборник статей
к семидесятилетию
академика В. В. ВИНОГРАДОВА*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1965